

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ РАН

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
ТРАНСФОРМАЦИЯ НА ФОНЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ***

**Москва
ИМЭМО РАН
2011**

* В электронном издании публикуется часть книги.

УДК 327
ББК 62(0)
Полити 504

Серия “Библиотека Института мировой экономики и международных отношений”
основана в 2009 году

Ответственный редактор – к.полит.н. Э.Г. Соловьев

Полити 504

Политические процессы в современном мире: трансформация на фоне
глобализации / Отв. ред. – Э.Г. Соловьев. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – 168 с.
ISBN 978-5-9535-0325-9

Книга посвящена проблемам трансформации политических процессов в современном мире и затрагивает такие актуальные проблемные комплексы, как эволюция современного либерализма, кризис консерватизма, пути трансформации социал-демократии. Существенное внимание на страницах книги уделено новым явлениям и тенденциям в политике, в частности, роли и месту интернета и проблемам управления интернетом в современном мире. В фокусе внимания авторов книги также новые явления и процессы в мировой политике – феномен «мягкой силы» (soft power), концепция «гуманитарной безопасности» (human security), роль и место идеологии исламизма.

Книга предназначена преподавателям, аспирантам, студентам, политологам, исследователям международных отношений, всем, кто профессионально занимается или интересуется проблемами современной мировой политики.

Political Processes in a Modern World: Transformation in the Context of Globalization.

The book is dedicated to a wide range of problems related to ideology crisis and evolution of contemporary conservative, liberal and social-democratic ideologies. Much attention is paid to the new ideological trends such as ideology of Islamism, antiglobalistic movements. It is stressed that many deep changes take place in modern international relations. And the strong accent is made in a special chapter of the book on research of the problems of “soft” and so-called “smart” power’s rapidly growing role in a globalizing world of free information flows.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0325-9

© ИМЭМО РАН, 2011
© Коллектив авторов, 2011

Содержание

Работяжев Н.В. Западноевропейская социал-демократия на рубеже XX-XXI веков: традиционализм и модернизм.....	4
Каменская Г.В. Либерализм в начале XXI века – союз с консерваторами.....	29
Смирнов А.Н. Современный европейский консерватизм: прагматики у власти.....	44
Работяжев Н.В. Антиглобалистское движение в современном мире.....	61
Бродская Н.П. Современные американские протестные движения.....	78
Ровинская Т.Л. Прошлое, настоящее и будущее инвайронментализма.....	88
Яшлавский А.Э. Салафитский джихадизм как экстремистская форма исламизма.....	107
Родионов А.Н. Политическая коммуникация посредством глобальной сети Интернет: проблемы регулирования	126
Бадаева А.С. Образовательный ресурс в процессе европейской интеграции.....	143
Соловьев Э.Г. Дефицит «мягкой силы» в политике России на постсоветском пространстве.....	156

Дефицит «мягкой силы» в политике России на постсоветском пространстве

Результаты политики новой России на постсоветском пространстве за последние почти два десятилетия достаточно противоречивы и порождают целый ряд вопросов. В официальных кругах, несмотря на отсутствие положительных результатов (или наличие отрицательных, с точки зрения российских внешнеполитических приоритетов), преобладает в целом оптимистичная оценка взаимоотношений со странами СНГ. Россия в существенной (в ряде случаев – в решающей) мере субсидировала и субсидирует экономики этих стран. Вроде бы сохраняются широкие связи с представителями местных элит. СНГ остается зоной широкого распространения русского языка. Отсюда – утверждения о «неизбежности» значительного влияния Москвы на политику этих стран, заявления о том, что страны СНГ «обречены» на углубление сотрудничества и т.д. Между тем, подобные весьма произвольные умозаключения отнюдь не подкрепляются фактами, а то и прямо опровергаются действительностью (вспомним хотя бы отказ от поддержки российской позиции по признанию Абхазии и Южной Осетии летом-осенью 2008 г. со стороны наших ближайших союзников). В современном мире в условиях глобальной «турбулентности», геополитических сдвигов и экономической перегруппировки сил никто ни на что не обречен. За успех на рынках или в политике в тех или иных регионах мира необходимо бороться. Простая ставка на эксплуатацию остаточного постсоветского потенциала представляется в современных условиях заведомо проигрышной. Причем, в силу целого ряда причин. Начнем с того, что достаточно невнятно выглядит российская модель развития. Как с точки зрения выбора приоритетов развития (либеральные на грани либертаризма подходы сочетаются с острыми приступами этатизма), так и в плане эффективности политической и социальной систем (системная коррупция, неэффективность работы госструктур в рамках выстроенной властной вертикали и т.д.). Но есть и другие объективные причины. Прежде всего – временной фактор. В новых независимых государствах (ННГ) выросло уже целое поколение людей, для которых Россия – это нечто внешнее. И, возможно, даже чуждое в культурном и языковом отношении. Для усиления реального влияния РФ на постсоветском пространстве речь должна идти не о *реинтеграции* (которая в сущности уже невозможна и ставка на которую политически контрпродуктивна), а о постепенном усилении влияния нашей страны на постсоветском пространстве, о создании *нового* привлекательного проекта взаимодействия в Евразии.

Страны постсоветского пространства в глобализирующемся мире

♦ Соловьев Эдуард Геннадьевич - к.полит.н., зав. сектором ИМЭМО РАН

Глобализация создала экономический и политический контекст формирования постсоветских ННГ. В результате доминирующим в рамках политического класса и экономических элит ННГ стало представление о том, что в условиях глобализации рынка труда и капитала, информационной глобализации не существует реальной ситуации выбора между некой автохтонной, замкнутой национальной экономикой и экономикой интегрированной в мирохозяйственную систему. Для каждого из ННГ единственный способ реализовать свой уникальный потенциал – это искать свое место в системе международного разделения труда, интегрироваться в мировую экономику. Этого императива не отменяет даже закрытость политических систем большинства стран постсоветского пространства.

В экономическом смысле после распада СССР вес ННГ в мировой экономике оказался крайне невелик. Совокупная доля государств постсоветского пространства быстро упала до малозаметных 3,2%. Даже на фоне впечатляющих темпов роста последних лет во всех странах СНГ, эта доля едва подросла до 4,8% (см. табл. 1).

Тем не менее, страны СНГ уже заняли определенные ниши в мировой экономике. Россия, а также Азербайджан, Казахстан, Узбекистан и Туркмения, как крупные экспортеры сырья и энергоносителей, в целом, очевидно, выиграли от благоприятной конъюнктуры на глобализирующихся товарно-сырьевых рынках в последние годы. Россия, Украина и Казахстан стали выступать важными игроками на мировом зерновом рынке. Россия и Украина выступают заметными игроками на мировом рынке черных металлов и т.д. Значительно меньше успехов демонстрируют постсоветские государства в критически важных инновационных сферах – информационных и высоких технологий.

Долгое время считалось (и это последовательно фиксировалось в официальных документах СНГ), что интеграция на постсоветском пространстве – наиболее эффективный способ обеспечить социально-экономическое развитие в условиях острой глобальной конкуренции. На самом деле, как наглядно продемонстрировали российские и зарубежные исследователи¹, на протяжении всех постсоветских лет имел место постепенный дрейф в сторону все меньшей взаимозависимости экономик ННГ, дифференциации их экономических ориентаций и глобальных политических ориентиров. СНГ оказалось механизмом «цивилизованного развода» постсоветских государств и достаточно эффективно выполнило эту роль. Бывшие советские республики, даже став реально независимыми, не сразу превратились в современные государства. В течение последних 18 лет идет процесс формирования национальных политических элит, политической идентичности новых государств. В этом плане СНГ играет существенную роль в адаптации к условиям независимого развития для всех стран Содружества. Вместе с тем, формат «широкого СНГ» мало приспособлен для реальной интеграции. Эффективность СНГ минимальна и продолжает угасать. СНГ фактически функционирует в формате переговорной площадки с постепенно сужающимся набором участников. Умеренный оптимизм может быть связан лишь с созданием Таможенного союза в составе России, Казахстана и Беларуси, а также с перспективами эволюции ОДКБ в универсальную многопрофильную организацию, занимающуюся вопросами обеспечения безопасности в Евразии.

¹ См. об этом: Шишков Ю.В. Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ. М., 2001; Шишков Ю.В. Догоняющее развитие в эпоху глобализации. М., 2006 и др.

Таблица 1. Основные показатели развития стран СНГ в 2010 г.

	Общий объем ВВП, млрд. долл., в ценах и по ППС 2010 г.	Темп роста ВВП, %	Дол я мировом ВВП, %	ВВП на душу в населения, долл., в ценах и по ППС 2010 г.
ВЕСЬ МИР	76287,7	5,1	100	11128
СНГ	3719,2	4,5	4,88	13535
Россия	2812,4	4,0	3,69	19840
Украина	305,4	4,2	0,40	6674
Белоруссия	134,6	7,6	0,18	13951
Молдавия	11,0	6,9	0,01	3087
Армения	16,6	2,6	0,02	5357
Азербайджан	89,3	5,0	0,12	10052
Казахстан	196,6	7,0	0,26	12050
Узбекистан	87,0	8,5	0,11	3090
Киргизия	12,1	-1,4	0,02	2257
Туркмения	39,5	9,2	0,05	7628
Таджикистан	14,8	6,5	0,02	2087

Источник: Год планеты. Вып. 2011 г. М.: Идея-Пресс, 2011.

В начале XXI века постсоветское пространство вступило в новую фазу своего развития. Начался своего рода «второй этап» самоопределения ННГ. Речь идет не о том, от чего уходят, от чего отталкиваются те или иные государства (хотя ряд политических лидеров буквально не могут расстаться с привычной за последние годы антироссийской риторикой), а к чему стремятся элиты ННГ. Для государств СНГ вопрос стоит так: будет ли их развитие более быстрым и результативным в интеграционной привязке к России. Задача российской политической элиты продемонстрировать, что у ННГ нет никакой необходимости менять политические и экономические ориентиры. И только использованием традиционного политического и экономического инструментария ее не решить.

Страны СНГ оказались перед необходимостью определения своего статуса, места и роли в мировой политике. Глобализация сформировала ряд серьезных вызовов политическим элитам данных стран, но одновременно обеспечила и достаточно широкий выбор направлений развития ННГ. Ряд стран (наиболее очевидный пример – Грузия) определились со своими трансатлантическими ориентациями. Для других государств, осознавших свою роль в условиях новой геополитической и геоэкономической конкуренции, характерна многовекторность и многовариантность политики, предполагающая максимальное использование экономических преференций и политических дивидендов в отношениях с Россией и дистанцирование от нее в случае возникновения у Москвы конфликтных ситуаций с

другими центрами силы. Страны СНГ вообще довольно быстро научились успешно капитализировать преувеличенное внимание всех крупных мировых игроков (включая Россию) к своему топливно-энергетическому комплексу, транзитным возможностям, добиваясь уступок, политической и экономической поддержки. Отсюда внешняя непоследовательность (вполне рациональная в своей основе) и пресловутая «многовекторность» политики целого ряда стран.

Важной проблемой является формирование новой политической идентичности в СНГ. Переходные общества постсоветских стран оказались стиснуты на рубеже XX-XXI вв. между весьма противоречивыми требованиями исторического момента – между потребностью в завершении политической модернизации на основе национальной государственности (необходимость завершения процесса формирования основных общественных институтов и самого гражданского общества в рамках т.н. «государства-контейнера») и необходимостью адаптации к новым наднациональным и надгосударственным тенденциям развития глобализации. Это создало и будет воспроизводить в этих странах серьезное поле внутривнутриполитического напряжения, укреплять основу для этнического национализма. Парадоксальным побочным эффектом такого внутривнутриполитического напряжения становится угроза балканизации отдельных стран и «феодализации» их политических систем и общественных отношений. Что подталкивает элиты к сотрудничеству с Москвой, не обременяющей свою внешнюю политику какими-либо политическими условиями, демократическими стандартами и способной оказать действенную военно-техническую или даже военную (в рамках обязательств по ОДКБ) помощь. Одновременно эффект внутреннего напряжения порождает острую потребность в создании внешнего референта (позитивного образа общества и государства, имитационный эффект) и одновременно «значимого другого» (объекта отталкивания в политической самоидентификации). До сегодняшнего дня местные элиты скорее используют Россию в качестве именно «значимого другого», объекта отталкивания, позволяющего консолидировать общество, нежели рассматривают ее в качестве центра притяжения на постсоветском пространстве.

В перспективе все большее влияние на ситуацию в странах СНГ будут оказывать внерегиональные игроки. Постсоветское пространство остается полем серьезных геополитических противоречий между Россией и США, а также Россией и ЕС. Данные противоречия будут иметь тенденцию к усилению с учетом «евроатлантического выбора» политических элит ряда стран СНГ (прежде всего, Грузии и Украины) и ставки российского политического класса на превращение страны в перспективе в самостоятельный центр силы глобализирующегося мира. СНГ, в свою очередь, используют и будут использовать конкуренцию между Россией, США и ЕС на постсоветском пространстве в интересах местных элит, для получения ресурсов и политической поддержки со всех направлений (в т.ч. из Китая, Японии, Индии, Турции, Ирана).

На постсоветском пространстве представляется неизбежной перспектива усиления политической и экономической конкуренции внерегиональных держав (США, ЕС, отчасти Китая, а также на каких-то направлениях – других азиатских стран) с Россией. Это не означает автоматически уменьшения роли и влияния России. При всей ограниченности ресурсов, Россия на постсоветском пространстве является очень важным фактором безопасности и экономическим локомотивом развития.

Россия продолжает играть ведущую экономическую роль на постсоветском пространстве. Она необходима странам СНГ как рынок приложения избыточных трудовых ресурсов (российский рынок труда позволяет снизить социально-

политическое напряжение в странах Средней Азии и Закавказья, а также в ряде регионов Украины), как важнейший транзитный путь для надежного, стабильного выхода на рынки третьих стран, в качестве важного источника инвестиций (российский бизнес в последние годы выступает крупным инвестором на постсоветском пространстве). Для союзников по ОДКБ Россия является гарантом безопасности, источником поставок современных вооружений и военно-технического сотрудничества на льготных условиях. Для большинства СНГ РФ остается поставщиком энергоресурсов (нередко по ценам ниже рыночных). И главное – Россия емкий и почти единственный рынок сбыта для промышленных и сельскохозяйственных товаров этих стран. В свою очередь, страны СНГ могут предоставить России ресурсную базу (природные ресурсы, рабочая сила, транзитные возможности), необходимую для успешной модернизации и ускоренного развития страны.

В России в последнее время довольно много говорится о стратегических целях страны на постсоветском пространстве. «Стратегической целью России является формирование углубленных и сбалансированных отношений со странами Евразии, гарантирующих ее долгосрочную стабильность»². «Приоритетным направлением внешней политики России является развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами – участниками СНГ. Россия выстраивает дружественные отношения с каждым из государств – участников СНГ на основе равноправия, взаимной выгоды, уважения и учета интересов друг друга. С государствами, которые проявляют готовность к этому, развиваются отношения стратегического партнерства и союзничества»³. Однако с учетом воздействия факторов глобализации необходимо и внесение определенных коррективов в текущую политику.

Что делать?

Перспективы России в мировой политике во многом будут определяться ее способностью к долговременному подчинению своего участия в процессах глобализации интересам и целям экономического роста и развития, укрепления конкурентоспособности экономики страны. На фоне вызовов глобализации существенную роль будет играть способность к диверсификации направлений и форм ее международного сотрудничества в интересах модернизации страны.

Важным моментом в развитии отношений России со странами СНГ является необходимость некоторой «десекутеризации» повестки дня. До недавнего времени Москвой в целом оправданно делался акцент на развитии ВТС с постсоветскими странами и военного сотрудничества с государствами ОДКБ. Это и понятно – иных ресурсов и рычагов воздействия на наших партнеров у нас практически не было. На современном этапе представляется более эффективным акцентирование внимания на финансовых институтах и новых возможностях и инициативах – типа Банка развития, создания инвестиционных фондов, поощряющих инновации и существующие точки роста в экономиках постсоветских государств. При этом, однако, необходимо помнить, что практически во всех странах СНГ довольно болезненно воспринимают российскую инвестиционную экспансию за рубежом. В этой связи необходимо создание влиятельных институциональных структур, включающих не просто государственных чиновников и малоинициативных

² Обзор внешней политики Российской Федерации. Администрация Президента РФ. МИД РФ. М., 2007.

³ Концепция внешней политики Российской Федерации. 12 июля 2008 г.

бюрократов (подобных структур и так вполне достаточно), а частных предпринимателей всех заинтересованных стран региона, вроде Круглого стола промышленников и предпринимателей или Делового совета стран ЕврАзЭС. При этом особое внимание необходимо уделить адекватному представительству в этом органе представителей бизнес-сообществ разных стран региона. Более того, подобная структура не должна превращаться исключительно в форум крупнейших компаний – по-видимому, целесообразно привлекать к ее деятельности различные объединения предпринимателей, в том числе, малого бизнеса. Она должна стать удобной площадкой, где инвесторы могли бы получить необходимое информационное обеспечение, взаимодействовать с экспертами в сфере ПИИ. При этом, подчеркнем, речь должна идти не о том, чтобы на корню скупить, воспользовавшись кризисом, все сколь-нибудь привлекательные для инвестиций предприятия стран СНГ (такие шапкозакидательские настроения, к сожалению, по сей день можно встретить не только в российских СМИ, но и в коридорах власти), а о том, чтобы создать привлекательную бизнес-среду, открывающую новые возможности для всех участников рынка. Только в этом случае всевозможные интеграционные политические и экономические проекты смогут получить реальное наполнение и, возможно, будут обеспечены широкой общественной поддержкой в соседних странах.

Существенную роль в проекции российского влияния способны сыграть инвестиции в жизнеспособные секторы экономики стран СНГ, развитие совместных энергетических проектов и транспортной инфраструктуры. С учетом нынешней структуры инвестиций в рамках ЕврАзЭС и особенно характера их встречных потоков наиболее продуктивным является сотрудничество компаний топливно-энергетического комплекса, транспорта, машиностроения и банковской сферы. Вместе с тем, нельзя игнорировать значительный потенциал, существующий в пищевой и легкой промышленности, некоторых других «нестратегических» отраслях, например, взаимный туризм, где пока осуществлены единичные инвестиционные проекты. Как отмечает ряд российских экспертов, необходимо превращение всего пространства ЕврАзЭС (причем пока, возможно, с исключением ряда «стратегических» отраслей) в среду инвестирования, демонстрирующую единый режим функционирования.

Помимо наполнения реальным содержанием экономического взаимодействия, есть еще один комплекс вопросов, явно недооцениваемый в рамках российского истеблишмента и экспертного сообщества. **Существует явная недооценка российским политическим руководством фактора «мягкой силы» (soft power) на постсоветском пространстве.** Специалисты продолжают дискутировать о том, возможно ли в принципе сознательно управлять потенциалом «мягкой силы» и насколько эффективны построенные на ее применении инструменты влияния⁴. Однако, применительно к ситуации на постсоветском пространстве, необходимо помнить, по меньшей мере, о факторе времени (18 лет независимого существования государств, выход на политическую арену поколения, не жившего в СССР, не имеющего с нами общего прошлого и не владеющего в достаточной степени русским языком) и о том, что элиты теряют интерес к стране, от которой в последнее время в мировой политике и экономике мало что зависело. Имеющиеся (пусть и скромные пока) достижения на ниве модернизации страны и социально-экономического развития необходимо уметь грамотно представлять публике за рубежом страны.

⁴ См. об этом: Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in the World Politics. N.Y., 2004.

В последнее время уделяется большое внимание «формированию имиджа» России, популяризации и распространению русского языка, активизации работы с «русскоязычными» соотечественниками. Все это, безусловно, нужно и важно. Но применительно к ситуации на постсоветском пространстве представляется рациональным работать по двум направлениям. Прежде всего – над повышением интенсивности контактов с представителями нынешней и перспективной элиты этих стран. И затем – более активной и адресной работой с широкой общественностью.

Отсюда необходимость интенсифицировать контакты с СНГ по линии подготовки кадров, образования. Россия, стремящаяся сохранить свое влияние в Содружестве на долгие годы, заинтересована в том, чтобы не только нынешнее, но и будущие поколения политических лидеров, бизнес-элиты, интеллигенции, да и рядовых граждан стран-соседей и в буквальном, и в переносном смысле разговаривали с нами на одном языке. Существенное увеличение российской финансовой помощи и поддержки русских школ в странах СНГ – это тот рычаг, с помощью которого можно закрепить наметившуюся тенденцию. Причем речь должна идти не только о снабжении школ учебниками, но и о создании при педагогических вузах России центров по повышению квалификации для учителей русских зарубежных школ, об организации семинаров по обмену опытом и т.д. Качественное школьное образование и свободное владение русским языком позволит гражданам СНГ воспользоваться российскими образовательными услугами – они смогут эффективно обучаться в лучших российских вузах. Это тем более актуально, что в некоторых бывших союзных республиках сужение сферы русского языка сопровождается ростом интереса к обучению на английском и получению высшего образования на Западе. На постсоветском пространстве США, ЕС, Турция начинают теснить Россию, вкладывая средства в местные СМИ, в образование и в культурные проекты.

Необходимо продумать систему грантов и квот для предоставления образовательных услуг гражданам СНГ, потенциально формируя группы поддержки России в среде научной, политической и военной элиты соответствующих стран. Нужно обеспечить большую плотность контактов ученых гуманитарного и технического профиля и осуществление совместных научных проектов (под эгидой РГНФ, Россотрудничества, либо независимых некоммерческих фондов и организаций). Отчасти проекты, осуществляемые под эгидой фонда «Русский мир», уже восполняют существующие в данной сфере пробелы. Но концентрируются они в основном на «соотечественниках», на «русском мире», на диаспоре. В то время как политически эффективным и целесообразным, с точки зрения усиления позиций России на постсоветском пространстве, был бы акцент на целенаправленную работу с элитами стран СНГ. Стипендии и гранты российских фондов, возможность получения образования или повышения квалификации должны предоставляться молодежи, аспирантам, молодым ученым из стран СНГ, поскольку именно эти люди являются будущими «хозяевами дискурса», будущими политиками, экспертами, политологами, журналистами. Важнейшая задача политики России в странах СНГ состоит в том, чтобы вырастить поколение интеллигенции, ориентированной на российскую гуманитарную, политическую и цивилизационную идентичность.

Весьма актуальна и более активная работа в рамках неправительственных фондов с представителями СМИ хотя бы в странах, входящих в ОДКБ. При этом и на самом высоком политическом уровне (аналог Валдайских встреч). Поскольку СМИ играют главенствующую роль в формировании общественного сознания и общественного мнения, именно от их успешной работы во многом будет зависеть исход борьбы «за умы и сердца» некогда братских народов. Важным и нужным делом представляется организация совместных семинаров для отработки

определенных стандартных ситуаций, связанных с координацией работы правительственных структур и СМИ при возникновении, например, террористических угроз или чрезвычайных ситуаций. Одновременно нужно искать новые формы работы со СМИ, расширять доступную информацию из России (в т.ч. через Интернет) и повышать уровень доверия к официальным и полуофициальным каналам ее распространения. Имеется в виду и продвижение информации, в т.ч. изданий российских научных учреждений, наиболее дееспособных институтов Российской академии наук, содержащих независимые экспертные оценки политических и экономических процессов в мире, и развитие информационных технологий в рамках пула занимающихся глобальными экономическими и политическими проблемами институтов РАН.

Перспективным представляется сотрудничество научной интеллигенции стран Содружества. В настоящее время руководство ряда стран СНГ пытается найти наиболее рациональные пути экономического развития, позволяющие уйти от однобокой сырьевой направленности, создать наукоемкие производства на основе новых прорывных технологий. Одновременно начинают созреть условия и для подключения частного бизнеса к этому процессу. Восстановление связей между научными центрами бывших союзных республик становится весьма актуальной практической задачей. Россия способна выступить в роли своего рода «системного интегратора» целого ряда проектов (со всеми вытекающими преимуществами), аккумулировать научный потенциал, оказывать консультативную и методологическую помощь как в области прикладной, так и в области фундаментальной науки.

Что касается работы с широкой общественностью, то тут существуют, как принято выражаться, «объективные трудности». Разумеется, нам трудно тягаться с «мягкой силой», идеологическим влиянием США и в целом стран Запада в современном мире. Относительно скромные (но точечные, хорошо рассчитанные по времени и месту) вливания средств американцами, не только государственными, но и неправительственными структурами, способны серьезно влиять на референтные группы в различных странах, воздействовать на «умы и сердца» широких слоев населения. Именно потому, что кроме денег у Запада есть нечто иное. Все, что связано с идеями свободы, либерализма – ассоциируется с США и другими странами Запада (равно как и высокий жизненный уровень, и стандарты потребления). Идти в ногу с американцами, означает для многих чуть ли не идти в ногу с прогрессом. Надо признать, что у посткоммунистической России такого потенциала влияния нет и в обозримой перспективе не будет.

Представляются бесперспективными и наши попытки вписаться в некий «мэйнстрим», в который мы могли бы встроиться, по ходу дела трансформировав в позитивном плане имидж страны. Любые попытки просто воспроизвести риторику и, отчасти, образ действий наших западных партнеров по управлению конфликтами в политическом и имиджевом плане бессмысленны. Это наглядно продемонстрировало развитие ситуации вокруг грузино-осетинского конфликта. Стремление использовать риторику и аргументацию, активно применявшуюся западными странами в период косовского кризиса, не привело и не могло привести к искомому результату. В рамках концепции «избирательной легитимности» последнее слово в признании или непризнании «адекватности» и «пропорциональности» тех или иных шагов остается за Вашингтоном. Для США же закавказские события стали примером дестабилизации ситуации в одном из важных для них (с точки зрения обеспечения энергетической безопасности) регионов мира в результате непрогнозируемых внесистемных действий возрождающей свой военный потенциал и политическое влияние региональной державы (России).

Отсюда однозначное осуждение американской элитой агрессивных действий России по изменению сложившегося баланса сил на Кавказе. Именно поэтому наша попытка продемонстрировать Западу, что мы играем по им же предложенным правилам (по Косовскому прецеденту или исходя из доктрины «империализма прав человека» (определение Р.Скидельски)) была заранее обречена на провал.

В этих условиях необходимо анализировать и умело пропагандировать накопленный собственный опыт и потенциал развития. Россия, как один из центров мировой цивилизации, обладает уникальным многовековым опытом регулирования межэтнических и межконфессиональных отношений. Нам есть что сказать и продемонстрировать миру. Например, российскую модель обеспечения толерантности, гармонизации межэтнических отношений на одной шестой части суши. Часто приходится сталкиваться с явно предвзятыми подходами, попытками стигматизации имеющихся традиций и институтов как «архаичных» и «имперских». Однако очевидно, что толерантность, пусть даже и в архаичных ее формах, все-таки лучше межнациональных и межконфессиональных разборок, этнических чисток и тому подобных эксцессов, т.е. лучше чем отсутствие толерантности как таковой. А градуализму, постепенному внедрению современных форм толерантности не *вместо*, а, по возможности, *наряду* с исторически сложившимися механизмами поддержания взаимного баланса интересов представителей различных этнических групп, нет альтернативы не только в России, но и в большинстве стран Латинской Америки, Азии и Африки. Проблема в том, что по сей день явно недостаточно (прежде всего, в научном, но и в пропагандистском плане) делается для репрезентации российского опыта обеспечения межэтнического и межконфессионального мира в огромной и многообразной стране. Задача состоит в том, чтобы проанализировать российский опыт межцивилизационного диалога, опыт длительного бесконфликтного сосуществования на территории нашей страны представителей самых разных конфессиональных и этнических групп (даже с учетом крайне непростой истории межэтнических взаимоотношений, предшествующей включению соответствующих регионов и этнических групп в состав Российской империи). При выполнении этой задачи совершенно неуместен вообще свойственный нам государственноцентричный подход, гипертрофированная опора на государственные и окологосударственные структуры. Для успешного продвижения российской точки зрения потребуется на полную мощь задействовать ресурс существующих независимых аналитических центров (включая дееспособные институты РАН) и общественных организаций, создать сеть коммуникации и взаимодействия с соответствующими независимыми институтами за рубежом.

Другой проблемой является более активное вовлечение в транснациональные проекты на постсоветском пространстве российских НГО. Это проблема двоякого рода. Прежде всего, очевидно обусловленное рядом факторов и особенностей незавершенного российского демократического транзита недоверие российских властей к политической инициативе, исходящей от независимых групп интересов и групп давления. В результате мы по факту оказываемся не в состоянии эффективно использовать этот инструмент в нашей внешнеполитической активности на постсоветском пространстве. Реально независимых организаций с привлекательной для зарубежных контрагентов повесткой дня у нас практически нет. Существующие НГО либо носят полугосударственный характер и потому не могут не учитывать изгибы «генеральной линии» в отношениях с теми или иными странами, занимаясь в основном малосодержательным «политическим туризмом», либо финансируются из-за рубежа и имеют в связи с этим совершенно определенную повестку дня, не всегда совпадающую с долгосрочными российскими внешнеполитическими интересами. В результате все наши попытки подключения общественного фактора к

решению внешнеполитических задач оказываются весьма дорогостоящими и крайне малоэффективными. Между тем без активизации общественной составляющей, без привлечения финансовых возможностей российских бизнес-структур к различным проектам (образовательным, культурным и др.) добиться успеха в плане позитивного позиционирования России на постсоветском пространстве будет очень сложно.

Мировой экономический кризис, способствовавший в 2008 г. грандиозному обвалу на российском фондовом рынке и резкому ухудшению финансовых и экономических показателей страны, способен осложнить проекцию российского влияния на постсоветском пространстве. В последние годы привлекательность России строилась на факторах стабильности и определенности. Темпы роста в других странах СНГ могли быть и более высокими на определенных временных отрезках. Но любому стороннему наблюдателю было ясно, что у России, в отличие от прочих стран, есть огромный потенциал для развития и проекции собственного влияния. Провал в ходе нынешнего финансово-экономического кризиса российской модели развития (на фоне успехов других стран БРИК, например) сразу же поставил под сомнение обоснованность наших притязаний на особую роль на постсоветском пространстве. Россия предстала страной, экономика которой выступает своего рода сырьевым и энергетическим придатком других стран и в решающей степени зависит от ситуации в их экономике. В результате наши внешнеполитические возможности, как прямые (проекции влияния, обусловленного экономической силой), так и косвенные (за счет авторитета политики и эффективности избранной модели развития) снизились. Ситуацию оказалось неспособно исправить ни вливание серьезных средств на цели развития (7,5 млрд. долл. в рамках Банка развития ЕврАзЭС), ни кредитование на льготных условиях целого ряда наших ближайших союзников. Это как раз тот пример, когда резкое снижение т.н. «мягкой силы» невозможно компенсировать иными (политическими и финансовыми) ресурсами.

Как ни парадоксально, в сложившейся ситуации мировой турбулентности, роста глобальных рисков и неопределенности у России как государства и у российской политической и интеллектуальной элиты остаются шансы позитивного позиционирования на постсоветском пространстве. Необходимо четко сформулировать, чего мы хотим от стран СНГ. Не на уровне деклараций, а ясных артикулированных приоритетов российской политики. Нужно отходить от модели решения политических вопросов на постсоветском пространстве посредством абсолютно непрозрачного кулуарного общения с постсоветскими лидерами и постепенно расширять спектр участников диалога и делать его более транспарентным и даже (не побоюсь этого слова) публичным. В противном случае наши реальные субсидии евразийским соседям будут и далее обмениваться на преимущественно пустые или нарочито туманные общения. А вполне обоснованные, хотя и небезупречные по форме попытки нажать на контрагентов с целью получить хоть что-то за свое субсидирование экономик стран СНГ будут и далее выглядеть для стороннего наблюдателя как бессильные потуги Москвы на имперский реванш. Без более широких и открытых общественных и экономических связей и большей концентрации на проблемах усиления потенциала нашей «мягкой силы» на постсоветском пространстве успеха в плане развития интеграционных инициатив добиться будет просто невозможно.

Концептуальные инструменты увеличения российского потенциала мягкой силы – невостребованный ресурс влияния

Думается, одним из факторов, который способен хоть в какой-то мере повлиять на увеличение потенциала «мягкой силы» России, является не

генерирование все новых и новых глобальных инициатив (вроде концепции неделимой евроатлантической безопасности), а более гибкое использование уже имеющихся, но недостаточно разработанных и зачастую игнорируемых у нас концептуальных инструментов. К их числу относится и концепция «человеческой» или гуманитарной безопасности (human security).

Положения концепции human security неплохо корреспондируются с необходимостью скорректировать имидж страны и увеличить потенциал «мягкой силы» России в мире. Ясно, что для этого инициативы во внешней политике РФ должны быть адресованы широкому спектру акторов (включая НГО, международные организации и др.). Должна быть четко проявлена ориентация на многостороннее сотрудничество, поскольку многие угрозы и вызовы транснациональны по своей природе. Ну и выдвигаемые идеи должны быть универсальны по своей сути, т.е. обращены к самой широкой международной аудитории. Разумеется, не со всеми положениями концепции human security можно согласиться. Однако как раз в рамках широкой международной дискуссии на эту тему можно ставить вопрос об их релевантности и способствовать распространению российской точки зрения на соответствующую проблематику.

Специфичность положений концепции human security связана с контекстом, в котором она возникла и бытовала до последнего времени. Концепция возникла в 90-х годах прошлого века и оказалась тесно связана с распространением интервенционистских практик западных держав в третьем мире и в странах с переходной экономикой. С одной стороны, «гуманитарный интервенционизм» требовал более широкой международной легитимации и твердого морального основания. С другой, – в ряде стран мира распространялось представление о том, что жесткой безопасностью государств и международной безопасностью ныне отнюдь не исчерпывается повестка дня. Хотя сухая статистика свидетельствовала о снижении числа вооруженных конфликтов в мире и конфликтологи с удовлетворением констатировали гармонизацию международной обстановки после окончания «холодной войны», ряд авторов отмечал противоположную тенденцию применительно к безопасности конкретного человека. Новые вызовы и угрозы безопасности (в т.ч. экологические, биологические, связанные с распространением наркотиков, международного терроризма и т.д.), незащищенность индивидов в ходе нередко весьма brutальных внутренних конфликтов ставили в международную повестку дня вопрос о поиске новых подходов к обеспечению безопасности. В центре этих подходов должен находиться конкретный человек. С точки зрения авторов данной концепции, необходимо, прежде всего, оценивать «человеческие издержки» стратегий, которые имеют целью продвинуть национальную безопасность того или иного государства или международную безопасность. В этом смысле человеческая безопасность не всегда совпадает с государственной. Не случайно концепция получила наибольшее распространение в таких странах, как Канада, Япония, Норвегия, Дания, ряд европейских стран, где проблематика национальной безопасности после окончания «холодной войны» явно отошла на второй план.

Гуманистический пафос концепции human security очевиден. Не менее явной была и политическая подоплека ее утверждения в международной повестке дня. На рубеже XX-XXI вв. концепция получала активную поддержку в США, поскольку позволяла внятно в этическом и политическом смысле обосновать значимость американских интервенционистских практик в различных регионах мира. Генсек ООН К.Аннан также счел ее весьма своевременной на фоне «миллениума», репрезентируемого как своеобразный рубеж в истории человечества – вступая в XXI век было важно обозначить новые приоритеты и новые правила игры на мировой арене и примирить концепцию «гуманитарной интервенции» с текущей политической

практикой ведущих мировых держав. Под эгидой ООН концепция впервые была озвучена еще в 1994 г. в рамках Программы развития. Доклад о развитии человеческого потенциала впервые актуализировал проблематику необходимости освобождения человека от «нужды» и от «страха» (“freedom from want” and “freedom from fear”). Эта тематика получила развитие на Копенгагенском саммите по социальному развитию под эгидой ООН (1995 г.).

По классификации ООН человеческая безопасность включает в себя семь основных разделов – экономическую безопасность, продовольственную безопасность, экологическую безопасность, личную безопасность (защиту индивида от физического насилия), обеспечение доступа к медицинской помощи, безопасность сообществ и политическую безопасность (т.е. гарантию основных политических прав личности). Таким образом, проблематика человеческой безопасности была тесно увязана с вопросами развития, с защитой прав человека и проблематикой гуманитарного интервенционизма. Последнее направление развития концепции оказалось особенно востребованным в рамках работы Международной комиссии по государственному суверенитету и гуманитарному вмешательству (2001 г. – International Commission on Intervention and State Sovereignty (ICISS)), а дополнительный импульс был придан в публикациях и выступлениях К.Аннана⁵. Было особо отмечено, что государства несут «ответственность» за защиту широкого набора гражданских, политических и социальных прав людей. И в случае несоответствия стандартам, предложенным комиссией (прежде всего, предотвращения массовых жертв среди населения), государства не могут уже ссылаться на свой суверенитет в противодействии интервенционистским практикам⁶.

После 11 сентября 2001 г. США в значительной мере утратили интерес к концепции, и далее она приобрела собственную логику развития в рамках академических исследований (школа «исследований мира»), в ходе выявления внешнеполитических приоритетов таких государств, как Канада, Япония, Скандинавские страны. Более того, в период борьбы с последствиями урагана Катрина (август 2005 г.) уже сами США подверглись критике со стороны многих европейских НГО и СМИ за игнорирование принципов и неспособность поддерживать стандарты «человеческой безопасности».

Существующие интерпретации концепции крайне разнообразны⁷. Однако это обстоятельство создает для российских структур возможность выступать не просто реципиентом некоего набора концептуальных положений, но полноправным участником дискуссии по проблематике сущности и основных направлений «человеческой безопасности». Если и не для официальных лиц, то хотя бы для НГО (типа Фонда мира и согласия и иных профильных организаций) открывается широкое поле интерпретаций проблематики «человеческой безопасности».

Содержательных вопросов по поводу основных принципов концепции «человеческой безопасности» немало. Насколько оправданно противопоставление безопасности индивида безопасности государства, свойственное подавляющему большинству концептуализаций проблематики human security? Ведь очевидно, что наибольшая степень безопасности обеспечивается в рамках эффективных государственных структур современных социальных и правовых государств. Кто и как определяет допустимость интервенционистских практик в каждом конкретном

⁵ См. об этом доклад комиссии с детальным обоснованием мотивов и легитимных предлогов для гуманитарной интервенции The Responsibility to Protect. Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty // URL: <http://www.iciss.ca/report2-en.asp>.

⁶ Evans G. The Responsibility to Protect: Ending Mass Atrocity Crimes Once and For All. Washington DC: Brookings Institution Press, 2008.

⁷ См. об этом Human Security in Theory and Practice. N.Y., 2009.

случае? Международно-правовой механизм явно не отработан. Эффективность действий ООН нередко подвергается сомнению, но ничего более внятного в организационном и международно-политическом плане (не говоря уже о легитимности) на сегодняшний день просто не существует. Каким образом и в рамках каких политических институтов и структур наиболее эффективно может быть оказана гуманитарная помощь? И как решить проблему «имплементации», т.е. такого применения принципов гуманитарного интервенционизма, который исключит нанесение миротворцами «непропорционального ущерба», как это случилось, например, в Югославии? Готовых ответов нет. Международная дискуссия идет. Российской общественности и представителям экспертного сообщества нужно активнее к ней подключиться.

Бытует мнение, что у нас слишком много проблем с обеспечением стандартов «человеческой безопасности» у себя дома, и потому, дескать, бесперспективно пытаться разыгрывать эту карту на международной арене. Это не совсем так. У России были (установленные еще в советский период) и даже поныне остались кое-какие высокие стандарты экономической и социальной безопасности, очевиден прогресс в сфере продовольственной безопасности населения, есть подвижки в области защиты прав человека – в принципе этот список можно продолжать. А вот как будет интерпретироваться в мире и в рамках ООНовских структур понятие «человеческая безопасность» (учитывая отсутствие консенсуса по поводу определения) – будет ли в рамках данной концептуализации отдано предпочтение, допустим, борьбе за запрет противопехотных мин и обоснованию интервенционистских практик или повышению эффективности борьбы с наркотрафиком и терроризмом – во многом будет зависеть от убедительности и весомости наших аргументов. Равно как будет зависеть от этого и увеличение потенциала «мягкой силы» Российской Федерации.